

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Институт славяноведения РАН
Уральский государственный университет
им. А. М. Горького

ЭТНОЛИНГВИСТИКА.
ОНОМАСТИКА. ЭТИМОЛОГИЯ

Материалы
международной научной конференции

Екатеринбург, 8–12 сентября 2009 г.

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2009

ББК Ш 100. 04
Э 913

Конференция проводится при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(грант 09-09-14110г)

Редакционная коллегия:

Е. Л. Березович (отв. ред.), К. В. Пьянкова, М. Э. Рут,
Л. А. Феоктистова

Этнолингвистика. Ономастика. Этимология : материалы
Э913 междунар. науч. конф. Екатеринбург, 8–12 сентября 2009 г. / [под
ред. Е. Л. Березович]. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2009. – 320 с.

ISBN 978-5-7996-0451-6

В работах исследователей из России и 10 стран ближнего и дальнего зарубежья рассматривается широкий спектр актуальных проблем этнолингвистики, ономастики, этимологии как общего, так и частного порядка. Особое внимание уделяется вопросам взаимодействия указанных областей языкознания – лингвокультурологическим аспектам ономастики, диалектологии и контактологии, этимологизации и семантической реконструкции нарицательных и собственных имен с опорой на этнолингвистическую информацию и др. Материалом для докладов послужили факты различных языков – в первую очередь русского и других славянских, а также романско-германских, финно-угорских, тюркских и др.

ББК Ш 100. 04

ISBN 978-5-7996-0451-6

вания полной государственной, народной и индивидуальной свободы. Возникает проблема путей использования свободы, вероятность злоупотребления свободой, опасность анархизации общественной жизни и появления в ней лжи, насилия и терроризма. Ощущается необходимость толерантности по отношению ко всему иному и одновременно потребность в установлении границ толерантности. Эта группа этико-правовых проблем нашла свое языковое выражение в использованной Йозефом Тишнером формуле *nieszczęsny dar wolności* («несчастный дар свободы»).

Выявленные изменения в восприятии понятия *wolność* направлены на сопряжение его с правами личности, с понятием *swoboda*, с раскованностью и непринужденностью, со снятием любых ограничений, с лозунгом хорошего самочувствия. Несмотря на то, что в обыденном польском восприятии понятия *wolność* отсутствует описанное Исайей Берлином различие между «свободой от» и «свободой для» (*wolność od* и *wolność do*), в образовательном дискурсе появляется мнение о необходимости такого различия. В католическом дискурсе обсуждается концепция «настоящей свободы» (*prawdziwa wolność*).

Руденко Е., Чернявская Ю. Концепт «свобода» и этнокультурное самосознание белорусов // *Język w kręgu wartości*. Lublin, 2003. S. 383–403.

Abramowicz M., Karolak I. *Wolność i liberté* w języku polskim i francuskim // *Język a kultura*. 1991. № 3. S. 51–59.

Antosiak A. *Obraz wolności* w czasopiśmie młodzieżowym «Bravo Girl» // *Język w kręgu wartości*. Lublin, 2003. S. 361–381.

CBOS 1994 – «*Co nam daje najwięcej szczęścia?*» // *Gazeta Wyborcza*. 1994. № 268.

Fleischer M. *Stabilność polskiej symboliki kolektywnej* // *Język w kręgu wartości*. Lublin, 2003. S. 107–143.

Kolakowski L. *Wolność* // *Kolakowski L.* *Mini wykłady o maxi sprawach*. Kraków, 2004. S. 80–87.

Pisarek W. *Polskie słowa sztandarowe i ich publiczność*. Kraków, 2000.

Wierzbicka A. *WOLNOŚĆ – LIBERTAS – FREEDOM – SWOBODA*. *Uniwersalne ideały czy specyficzne dla danej kultury jednostki leksykalne?* // *Wierzbicka A.* *Język, umysł, kultura*. Warszawa, 1999. S. 490–521.

М. Белетич
Белград (Сербия)

Пабрстиње: к терминологији обработки конопли

Все славянские народы выращивали и обрабатывали лен и коноплю. Их обработка, с момента уборки до прядения, включала в себя ряд процессов: уборку растений с поля, отделение семян от стеблей, размягчение плотного слоя стеблей, отделение жестких частиц от волокна, расчесывание полученного волокна и приготовление кудели. Эти подготовительные работы представляли собой наиболее длительный и трудоемкий этап домашнего ткачества [Чумакова, 1970, 120]. Естественно,

что терминология обработки льна и конопли богато представлена во всех славянских языках.

К данному лексическому полю принадлежит и сущ. *пáбрстиѣ* из Пирота, ср. *пáбрстиѣ* ‘остатки сломанных и увядших стеблей конопли’ [Златковић, 1988, 652] и *пáбрстиѣ* ‘остатки конопли’ [Живковић, 111]. Очевидно, что приведенные формы не идентичны в отношении ударения и значения. К ним следует добавить также сущ. *пáбрскиѣ* из Црной Травы в значении ‘остатки конопли при трепании («кад се она таре на трлицу»)’ [Златановић, 279].

Учитывая ареал сербских примеров, параллели для них надо искать прежде всего в болгарском языке. Действительно, около Годеча зафиксировано сущ. *пáбрстиѣ* ‘остатки конопли при уборке’, а около Софии и Брезника и формы без *-т-*: *пáбршнияк* ‘остатки конопли при трепании’, *пáбрсник* ‘то же’, *пáбирьськ* ‘то же’ [БЕР, 4, 995].

Изложенный материал ясно показывает, что ударение должно быть на первом слоге, но не вполне понятно, о какой реалии идет речь: об остатках конопли на поле после уборки или об остатках волокна после обработки.

Болгарские формы трактуются как производные от **пáбрсть*, сложения приставки *па-* и *бръст*, *бръстя* [БЕР, 1, 84].

Правильность выделения приставки *па-* в данных формах подтверждается многочисленными параллелями, принадлежащими к той же лексико-семантической сфере, ср. укр. диал. *пáтолоч* ‘остатки после уборки конопли’ < **патолѣь*, помен асті от **потелкти*, *-тылқ* ‘поголовч’ [Воруś, 1975, 19], польск. диал. *paczosity*, чеш. *pačesy*, словац. *pačesy*, рус. диал. *пáчеси*, укр. *пáчосы* ‘отходы при чесании льна, конопли’ < **рачєзь*, помен асті от **рочєсати* ‘почесать щеткой, например, лен, коноплю’ [Там же, 29], рус. диал. *пáтпенки* ‘отходы при трепании льна’, блр. *пáтпан’е* ‘то же’: рус. *пáтпенать* (лен), блр. *пáтпанáць* [Там же, 33], польск. диал. *paklepie*, *paklepy* ‘отходы при трепании льна’: *poklepać* ‘потрепать (лен)’ [Там же, 35].

Однако вызывает сомнение выведение рассматриваемых болгарских слов из глагола *бръстя* ‘кормить скотину древесными побегам’ (= серб. *брстити* ‘обедать побегом’), так как приведенные примеры показывают, что в основе каждого из них лежит один из глаголов, принадлежащих к терминологии обработки льна и конопли, к которой, как известно, глагол *бръстя* не относится. Более подходящим, кажется, является русский глагол *бросать*, ср. *бросать лен* ‘сбивать со льна головки’, вместе с диалектными формами *броснуть* ‘отделять кострицу ото льна’, *брóснуться* ‘очищаться (о льне, конопле)’, *обрóснуть* ‘оборвать (головки льна, листья с веток и т. д.)’, ‘расчесать, раздергать волокно льна, конопли’. Рус. диал. *бросать* представляет собой пример специализации старого славянского глагола **бръсати*, **бръсноѣти*, **брысати* ‘стирать, соскабливать, смахивать с поверхности’, следы которого сохранились в восточно- и южнославянских языках: болг. *бръсвам*, *бръсна* ‘стирать’, серб. *брысати*, словен. *brisati* ‘стирать, тереть, выгирать’, *brsati* ‘царапать’, укр. *бросити*, рус. *бросить* ‘кинуть’ [Чумакова, 1970, 128].

Этимология праславянских глаголов **бръсати*, **бръсноѣти* подробно, хотя и не однозначно, рассмотрена в [ЭССЯ, 3, 55–57; SP, 1, 398–399].

Можно было бы предположить, что и на южнославянской почве произошла специализация праславянских глаголов **бръсати*, **бръсноѣти*, а также **бръскати* (в [ЭССЯ, 3, 56]

реконструируется и эта праславянская форма), о чем свидетельствуют прежде всего болгарские формы *пáбръшняк* и *пáбрсник*. Их можно трактовать как образования с суффиксами *-jakъ/-ikъ* на базе глагольных дериватов **pabrъsnъ/*pabrъsnъ < *pobrъsnoti*, причем *pa* соответствует глагольному *po*.

Сербская форма *пáбрскиње* образована при помощи суффикса *-inje* от глагольного деривата **pabrъskъ < *pobrъskati*.

Форма *пáбрстиње*, как представляется, того же происхождения, только у нее суффикс *inje* присоединен к форме множественного числа **pabrъsci > *pabrъsti* (диссимиляция *sts > st* как в ст.-слав. *людъстии* наряду с *людъсции* пом. pl. m. 'людские'). Нельзя все-таки исключить возможность, что форма с *t* возникла под влиянием глагола *брстити*, так как глагол *брсати* почти не сохранился в сербском и хорватском языках, ср. однако чакав. *брсиница* 'мужская особь конопля' [РСА]. О возможном родстве данных глаголов см. [ЭССЯ, 3, 58, s.v. **brъstъ*].

Наконец, болг. *пáбиръськ* можно было бы возвести к реконструированному **pabrъskъ*, причем *и* в основе, вслед за [БЕР], следует объяснить как результат смещения с *пáбиръкъ*.

Boryś W. Prefiksacja imienna w językach słowiańskich: Monografie slawistyczne 32. Wrocław etc., 1975.

Златковић Д. Пословице и поређења у пиротском говору // Српски дијалектолошки зборник. Београд, 1988. Књ. 34. С. 341–683.

Чумакова Ю. П. Глагольные термины, связанные с домашней обработкой волокна, в славянских языках // Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования. 1969. М., 1970. С. 120–148.

В. И. Беликов
Москва

Статистический анализ неофициальной топонимии

Кроме официально закрепленных топонимов всегда существовали и неофициальные; статус их различен. Есть именованья стилистически немаркированные, хотя и не использующиеся в официальных контекстах (к таковым, например, относятся старые названия переименованных пунктов), есть разговорные (типа *Питер*, *Владик*), есть явно сниженные, которые многие отнесут к жаргонным (*Засранск* – Саранск). Как кажется, в последние два десятилетия распространенность неофициальной топонимии заметно увеличилась, для многих городов конкурирует несколько таких именованний, различающихся по широте использования и стилистике.

Дать их объективную оценку как внешнему наблюдателю, так и тому, кто регулярно сталкивается с их использованием в повседневной практике, достаточно сложно. В реальных контекстах употребления даже заведомо грубых топонимов иногда трудно усмотреть пейоративную окраску, ср.: *Блин, я так хочу уже поскорее вернуться в Засранск!!!! <...> каникулы вышли какие-то тупые...* (дневниковая запись в Москве 14-летней уроженки Саранска, 09.11.2007).